

ГЕТЕ И ПУШКИН

Посвящается С. Л. Франку (Берлин)
и Г. А. Острогорскому (Бреславль)

Были ли они родственны по самой основе их поэтического творчества? — вот вопрос, который естественно поставить в год столетия смерти великого немецкого творца и на который я попытаюсь ответить в кратком очерке, родившемся из чтения и перечитывания за много лет и Гете, и Пушкина.

Поэтическое творчество таких писателей, как Гете и Пушкин, конечно, связано с их жизнью и с их личностью, как людей, а не только творцов. Оно как-то, в конечном счете, рождается из личных переживаний. Но было бы совершенно превратно это творчество — целиком выводить по содержанию из личных переживаний и по душевному типу сводить к остальным свойствам творца, как человека. Гете и Пушкин были творцами в подлинном смысле слова именно потому, что они, творя, свое личное победоносно переводили из области личных переживаний в область чего-то не безличного, которое всегда безобразно и потому поэтически безобразно, а в область общего, несомненного для неопределенного множества людей, этому множеству тоже дорогого, ими тоже, хотя и не так же, переживаемого.

Необычайно ярким и показательным примером такого перемещения из личной субъективной области в общую, или предметную, такой объективации пере-

живания является у Гете знаменитая вторая «Ночная песня Путника» («Ueber allen Gipfeln ist Ruh»), чисто личное, субъективное происхождение которой стало вполне ясно, когда сделалось известным письмо Гете к Карлотте фон Штейн из Ильменау от 6-го сентября 1780 г. и передача которой на русском языке Лермонтовым («Горные вершины спят во тьме ночной») является едва ли не высочайший образец переводческого искусства во всей русской литературе. В этом переводе перед нами как бы двухступенная объективация: объективация первичного восприятия, как оно дано у Гете, и объективация этого гетевского восприятия у Лермонтова.

У Пушкина мы имеем еще более разительный пример первичной объективации, в области совершенно, казалось бы, субъективной — чисто любовной лирики. Я имею в виду столь популярное, как романс, стихотворение: «Я помню чудное мгновенье». Теперь мы знаем, что тут перед нами не просто А. П. Керн и встреча с нею Пушкина, а совершенное *преображение* реального образа этой женщины и весьма земных отношений с нею Пушкина-человека в подлинное духовное видение Пушкина-поэта.

Поэтическое перевоплощение, или преобразование, художническая «объективация» как непосредственно личных, субъективных переживаний, так и всякого рода восприятий и созерцаний, до исторических включительно, есть основная черта творчества и Гете и Пушкина¹⁾.

Белинский, который, поскольку он не поддавался внушениям «общественной», тенденциозной идеологии,

1) Эту черту пушкинского творчества с его субъективно-психологической и в то же время национально-психологической стороны ярко изобразил Достоевский в своей знаменитой речи. Но как чисто эстетическое наблюдение и обобщение, эта характеристика пушкинского творчества была всецело предвосхищена и предначертана Белинским.

нередко изумительно чутко воспринимал и поэтическую красоту литературных произведений и художественскую личность их творцов, подчеркнул однажды однородность поэтических гениев Шекспира и Пушкина — именно в усматриваемом мною смысле.

«Оставляя в стороне вопрос о превосходстве (которого мы и не думаем отрицать или оспаривать) Шекспира перед Пушкиным» — писал он в рецензии 1840 г. на № 3 «Пантеона русского и всех иностранных театров» — «можно смело сказать, что только слепые могут не видеть, что оба эти великие творения творческой силы принадлежат к одному разряду, суть явления родственные».

Белинскому же, давшему в свое время классическую по чуткости характеристику гения Гете, которая есть как бы истолкование в прозе лучшего в мировой литературе поэтического портрета Гете, начертанного в образцовом (так его и оценил Белинский) стихотворении Баратынского на смерть Гете ²⁾, принадлежит и сближение Гете и Пушкина: «Если с кем из великих европейских поэтов Пушкин имеет некоторое сходство, так более всего с Гете». И тут же Белинский, поясняя свою мысль, говорит: «Гете не просто изображал природу, а заставлял ее раскрывать перед ним ее заветные и сокровенные тайны... Для Гете природа была раскрытая книга идей; для Пушкина она была полная

²⁾ Эта характеристика находится в столь известной, вернее, столь ославленной статье 1840 г. «Менцель, критик Гете»: «Гете был дух, во всем живший и все в себе ощущавший своим поэтическим ясновидением, следовательно — неспособный предаться никакой односторонности, ни пристать ни к какому исключительному учению, системе, партии. Он многосторонен, как природа, которой так страстно сочувствовал, которую так горячо любил и которую так глубоко понимал он». Статья эта одно из лучших, если не лучшее вообще, произведение Белинского, как художественного критика.

невывразимого, но безмолвного очарования живая картина»³⁾).

Особенность пушкинского дара перевоплощения, которое у нашего великого поэта было подлинным поэтическим преображением, заключается не только и не просто в художнической способности, но и в том свойстве — возвышаться над собственной человеческой личностью, которое, будучи присуще Пушкину в такой исключительной мере, представляло изумительный феномен душевной жизни. Чудесное стихотворение «Поэт» («Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон») есть подлинное признание, в котором поэт не только изображает некую объективную реальность, но также характеризует, описывает, точно до беспощадности, самого себя. Здесь — полное совпадение художественного объективизма с субъективной психологической правдивостью, и это литературное произведение является первостепенной ценности автобиографическим свидетельством, не заключающим ни малейшей натяжки, не то что преувеличения: вся жизнь Пушкина есть сплошной комментарий к этому стихотворению. Здесь не было раздвоения личности; это было именно — возвышение творца над самим собою, как человеком.

Не это ли свойство Пушкина прочел в его мертвом лице Жуковский, о чем он свидетельствует в бесподобном стихотворении, внушенном ему смертью великого ученика и друга?

Он лежал без движения, как будто по тяжелой работе
Руки свои опустив; голову тихо склоня,
Долго стоял я над ним один, смотря со вниманьем
Мертвому прямо в глаза; были закрыты глаза;

³⁾ 1844 г. (в той ряснувшейся на время с 1843 по 1846 г. в «Отечественных Записках» монографии о Пушкине, которая составляет самый систематический и формально законченный труд знаменитого критика).

Было лицо его мне так знакомо, и было заметно,
Что выражалось на нем — в жизни такого
Мы не видали на этом лице. Не горел вдохновенья
Пламень на нем; не сиял острый ум;
Нет! Но какую-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилось мне, что ему
В этот миг предстояло как будто какое виденье,
Что-то сбывалось над ним... И спросить мне хотелось:
что видишь?

Это же свойство Пушкина-творца, которое, видимо для других, проступило в его лице после смерти, было присуще и Гете. Иначе, чем Пушкину. Человеческая личность Гете была, даже в «забавах суетного света», быть может, менее удалена от высших творческих видений и помыслов поэта, чем то было у Пушкина. Она была во многих отношениях гораздо богаче, чем пушкинская, и более уравновешена при этом богатстве, являя в истории человеческого духа, рядом с Лейбницем, совершенно исключительный пример необъятного захвата, «мирообъемлющего», по выражению Белинского, дарования. Гете был не только поэт, но некий ни в какие рубрики не укладывающийся, универсальный творческий дух. Может быть, Пушкин приблизился бы к такому же захвату — в области человековедения по крайней мере — если бы он, физически совершенно здоровый человек, прожил столько же, сколько Гете, т. е. дожил до 1882 г. (значит, на год пережил бы Достоевского! В этом случае он все-таки не дожил бы до возраста, в котором скончался его друг, кн. П. А. Вяземский, родившийся в 1792 и умерший в 1878 году!).

Белинский упрекал Пушкина в том, что он, разбрасываясь, не весь и не сразу отдался поэтическому творчеству, как главному делу жизни, что он был «ленив», а потому сравнительно немного написал. Факт установлен правильно: по сравнению с Гете,

Гюго, не говоря уже о Вальтер-Скотте и сложившемся под его влиянием Бальзаке, Пушкин был автор — мало писавший и написавший. Но эта относительно незначительная количественная производительность стояла в связи с указанным мною свойством Пушкина — творчески возвышаться над собственной личностью. И в связи с этим свойством стоит то обстоятельство, что, с момента весьма рано наступившей зрелости, Пушкин больше уже не писал слабых вещей.

У Гете с его поразительной производительностью гораздо больше абсолютно и относительно (т. е. в отношении к вершинам его собственного творчества) слабых вещей, чем у Пушкина. Творчество великого немецкого поэта было гораздо богаче, но менее равномерно, и потому в целом менее сосредоточенно.

Этот характер пушкинского творчества объясняет нам, почему суд отдаленного потомства для Пушкина оказался гораздо более благоприятным, чем суд современников и, если можно так выразиться, — ближайших потомков. Достоевский вслед за Аполлоном Григорьевым и Н. Н. Страховым, в этом отношении решительно на него повлиявшими, ценил Пушкина выше, чем его ценил не только Иван Киреевский, но и Белинский (не говоря уже о таких тенденциозно-пошлых оценках, какую дал Кюстин). А мы (т. е. наши поколения), быть может еще выше, чем Достоевский, ценим и любим Пушкина.

Не только психологически-эстетически Пушкин сродни, «конгениален» Гете. Можно установить с полной несомненностью притяжение Пушкина к Гете и влияние последнего на нашего великого поэта. Пушкин ощущал «великого Гете» (подлинное выражение в заметке к стихотворению «Демон» 1824 г.), рядом с Шекспиром, как творца «исторической драмы» (разбор «Истории русского народа» Полевого, напечатанный в «Литературной Газете» 1830 г.) и как «романтического великана», дважды, по словам Пушкина, по-

разившего в «единоборстве» Байрона (напечатано при жизни Пушкина без подписи в «Северных Цветах» на 1828 г.), «другого властителя дум» того времени (кстати, это выражение, ставшее крылатым словом и — увы! — ходячей монетой, вычеканено Пушкиным в применении к Наполеону и Байрону — «К морю», 1824 г.).

Мы знаем теперь, как и когда Пушкин сознательно воспринял и отчетливо ощутил Гете. Это совершилось через московский круг Любомудров, таких, как Веневитинов и В. Ф. Одоевский, тот круг, к которому духовно примыкали Погодин, Киреевский, Шевырев. Свидетельств об этом влиянии на Пушкина молодых московских писателей, среди которых процветало не только изучение немецкой философии, но и культ Гете (Веневитинов писал, что «новейшая философия в Германии есть зрелый плод того же энтузиазма, который одушевлял истинных ее поэтов, того же стремления к высокой цели, которое направляло полет Шиллера и Гете»), немало. Из них, кроме уже приведенных суждений Пушкина о Гете, несомненно внушенных великому поэту общением с московскими друзьями ⁴⁾, отметим лишь два.

Это, во-первых, общая оценка «московской словесности», данная в «Мыслях на дороге» (1833 г.):

Московская словесность выше петербургской. Литераторы петербургские по большей части не литераторы, но предприимчивые и смышленные литературные откупщики. Ученость, любовь к искусству и таланты, неоспоримо, на стороне Москвы.

⁴⁾ Любопытно, впрочем, что лицейский товарищ Пушкина Дельвиг, по свидетельству самого же Пушкина, еще в школе «Клопштока, Шиллера и Гете прочел», с одним из своих товарищей, «живым лексиконом и вдохновенным комментатором». Из этого же источника мог и Пушкин почерпнуть свое первое знакомство с Гете.

Московский журнализм уьвет петербургский. Московская критика с честью отличается от петербургской. Шевырев, Киреевский, Погодин и другие написали несколько опытов, достойных стать наряду с лучшими статьями английских Reviews, между тем как петербургские журналы судят о литературе, как о музыке, о музыке, как о политической экономии, т. е. наобум и как-нибудь, иногда впаад и остроумно, но большею частью неосновательно и поверхностно.

Философия немецкая, которая нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, кажется, начинает уступать духу более практическому. Тем не менее влияние ее было благотворно: она спасла нашу молодежь от холодного скептицизма французской философии и удалила ее от упоительных и вредных мечтаний, которые имели столь ужасное влияние на лучший цвет предшествовавшего поколения.

Другое свидетельство, — это послание Веневитинова к Пушкину, в котором молодой московский поэт-любомудр, кстати один из первых переводчиков гетевского «Фауста» на русский язык, призывал автора «Бориса Годунова» к «хвалам» Байрону и Шенье присоединить поэтический привет Гете, которого Веневитинов, обращаясь к Пушкину, сознательно и демонстративно характеризует так: *«наставник наш, наставник твой»*.

И, конечно, Пушкин, как творец «Бориса Годунова», своим наставником имел не только Шекспира, но и автора «Гетца фон-Берлихингена» и «Эгмонта». Примечательно, что тот же Веневитинов во французской (не напечатанной при жизни) рецензии на первую опубликованную сцену из «Бориса Годунова» писал, в 1827 г.: *« Cette scène frappante de simplicité et d'énergie peut être placée sans crainte au rang de tout ce que le*

théâtre de Shakespeare et de Goethe nous offre de plus parfait».

Тут Веневитинов, так же точно как Пушкин, ставит Гете рядом с Шекспиром.

Приведу теперь целиком послание Веневитинова к Пушкину:

Известно мне: доступен Гений
Для гласа искренних сердец.
К тебе, возвышенный певец,
Взываю с жаром песнопений.
Рассей на миг восторг святой,
Раздумье творческого духа,
И снисходительного слуха
Младую Музу удостой.
Когда пророк свободы смелый,
Тоской измученный поэт,
Покинул мир осиротелый,
Оставя славы жаркий свет,
И тень всемирных печали,
Хвалебным громом прозвучали
Твои стихи ему вослед⁵⁾.
Ты дань принес увядшей силе
И славе на его могиле
Другое имя завещал⁶⁾.
Ты тише, слаще воспевал
У муз похищенного Галла.
Волнуясь песнею твоей
В груди восторженной моей
Душа рвалась и трепетала.
Но ты еще не доплатил
Каменам долга вдохновенья:
К хвалам оплаканных могил
Прибавь веселые хваленья⁷⁾.

5) Тут речь идет о Байроне. — П. С.

6) Тут имеется в виду Шенье. — П. С.

7) Тут и дальше речь идет о Гете. — П. С.

Их ждет еще один певец:
Он наш, — жилец того же света,
Давно блестит его венец;
Но славы громкого привета
Звучней, отрадней глас поэта.
Наставник наш, наставник твой,
Он кроется в стране мечтаний,
В своей Германии родной.
Досель владеющие длани
По струнам бегают порой,
И перерывчатые звуки,
Как после горестной разлуки
Старинной дружбы милый глас,
К знакомым думам клонят нас.
Досель в нем сердце не остыло,
И верь, он радостью живой
В приюте старости унылой
Еще услышит голос твой.
И, может быть, тобой плененный,
Последним даром вдохновенный,
Ответно лебедь запоет
И к небу с песнею прощанья
Стремя торжественный полет,
В восторге дивного мечтанья
Тебя, о Пушкин, назовет.

Влияние Гете на конгениального ему великого русского поэта входит в общую историю взаимодействия между немецкой и русской духовной культурой и есть один из ее интереснейших и значительнейших эпизодов в области литературной. Любопытно, что смена французских влияний на русскую литературу и культуру немецкими, отчетливо обозначившаяся именно к моменту окончательного созревания оригинального гения Пушкина и ранее и решительнее отразившаяся на таких писателях, как Жуковский, Веневитинов и В. Ф. Одоевский, этот русский Жан-

Поль-Рихтер (по характеристике Белинского), не ускользнула от внимания современных французских наблюдателей, как ни поверхностны были их наблюдения и как ни недостаточны были их знания русской действительности. Любопытный след этого мы находим в известных любопытных письмах о России, написанных в 1826 г. Ансло (Ancelet) *Six mois en Russie* (Париж, 1827), в том письме 33-м, где дается перевод «Светланы» Жуковского, «Кинжала» Пушкина (по рукописи и, конечно, без указания имени автора) и «Черепе» Баратынского⁸⁾. Тут мы находим такие строки:

До сих пор она (русская литература) с большой верностью (*fidèlement*) воспроизводила формы, физиономию и даже предрассудки нашей. С некоторого времени русские поэты, повидимому, желают оставить пути классицизма, для того, чтобы искать себе образцов в Германии и в этом отношении они опять-таки подражают нам самим (*ils ne font encore que nous imiter*). Первая из предлагаемых здесь пьес («Светлана» Жуковского) составлена в стиле немецких баллад; но автор весьма разумно заимствовал свой сюжет в суевериях Московии и если форма этого произведения иностранная, то, по крайней мере, содержание его национально.

Замечания поверхностного француза, в сущности, устанавливают факт рождения, под немецкими (английских он не заметил) влияниями, русского «романтизма».

И, конечно, хотя Гете не был «романтиком», но та немецкая литература, которая, прежде и больше всего в лице Шиллера, так могущественно влияла на Жуковского, была немислима без Гете, так же как —

⁸⁾ Повидимому, Ансло смешивал фамилии «Баратынский и «Барятинский». Автора «Черепе» он называет «le jeune prince Variatinsky».

по верному замечанию Белинского — «без Жуковского мы не имели бы Пушкина». А благодаря Жуковскому — скажем опять-таки с тем же Белинским — «немецкая поэзия — нам родная, и мы умеем понимать ее без того усилия, которое обуславливается чуждою национальностью». И хотя Жуковский был проводником, главным образом, поэзии Шиллера и затем Уланда, но — через общее влияние Жуковского — на Пушкина, несомненно, влиял и Гете. Влиял именно потому, что он по своему духу был более, чем Шиллер, конгениален нашему великому поэту.

Правда, между ним и великим олимпийцем была разница возрастов ровно в 50 лет. Эта разница имеет реальное духовное значение, которое можно выразить в такой формуле:

Гете был еще, и в немалой степени, человеком XVIII века, чем Пушкин вовсе не был, хотя он духовно вырос в значительной мере на французской литературе XVIII века.

По своему духу Пушкин был всецело человек XIX в., чуждый совершенно и рационализма и сентиментализма XVIII века. В особенности разительно и примечательно — именно в виду личной и духовной связи Пушкина с Карамзиным и Жуковским — отсутствие в пушкинском духе всякого сентиментализма, который, как одна из стихий (и притом могущественная), вошел, конечно, в необъятно богатое духовное содержание Гете. В этом отношении Жуковский был ближе Пушкина к Гете, но именно — историческому содержанию Гетевского духа, а не к его вечному ядру, к способности и дару художнического перевоплощения, покоящегося на перемещении духовных содержания из области личного, субъективного и спорного в сферу общего, объективного и неотразимого.

В этом Пушкин сродни и близок Гете.

Париж, 20 октября 1932 г.

П. Б. СТРУВЕ

ДУХ И СЛОВО

Статьи о русской
и западно-европейской литературе

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne Ste-Geneviève
75005 PARIS